Юрий ЗЕРЧАНИНОВ

Урок сольфеджио на Шаболовке

Кто в Москве зачинал телевидение

Стоит вспомнить, что нынешнее телевидение, которое закармливает нас дозволенной информацией и безостановочно, на любой спрос, фабрикует всякого рода звезд, зарождалось как творческая студия. А художественным руководителем, основателем Центральной студии телевидения (ЦСТ была создана в 1951 году, а прежде передачи делались на Телецентре) была выпускница Бакинской консерватории, преподаватель сольфеджио Валентина Николаевна Шароева.

Шароевой приходилось постоянно противоборствовать с двумя ответственными товарищами: Пузиным, возглавлявшим Главрадио, ее прямым начальником, и Фурцевой, в ту пору первым секретарем МГК партии. Пузин не мог смириться, что его исконного "радиозрителя" шароевские дикторы принялись вдруг называть телезрителем. А Фурцева не могла смириться, что на ее партийной территории уверенно властвует преподавательница какого-то сольфеджио (имели место – несомненно – и чисто бабьи комплексы).

Верочка, секретарша Шароевой, держала на коленях толстую черную кошку и, поглаживая ее, выспрашивала у меня:

– Университет закончил и год адвокатом работал – защитником, значит, – так?

– Так.

– А Кляксу мою защитишь?

– От кого?

– Тигра, я слышала, к нам хотят привезти?

– Зачем?

– Как зачем? Вот, дескать, и тигров уже показываем.

Верочка сидела в самом конце редакционного коридора, возле начальственного кабинета. А из кабинета, где, судя по всему, шла летучка, вдруг донесся разгневанный женский голос:

– Детский сад! Что я вам носы должна вытирать!

Верочка хмыкнула:

– Все карандаши, наверно, сломала. Буду карандаши точить. А вы подождите. Как только все разойдутся, Валентина Николаевна позовет меня и я ей скажу о вас.

Когда я вошел, наконец, в кабинет Шароевой, то был встречен вопросом, не заскучал ли, ожидая, пока она освободится.

Как объяснить, подумал, что эта яркая, внушительная дама – да, именно дама, а не советская начальница, – так приветливо встречает человека, ей совершенно неведомого, никем не представленного. В тот день я шел по Шаболовке, раздумывая, куда податься, решив покончить с юриспруденцией, и тут увидел проходную телевидения. Кинул монету. Решка. Что ж, была не была…

Я физически ощутил вдруг, что Шароева пристально в меня всматривается, ждет, как заговорю с ней. И ответил ей, что нашел, чем заняться – стоял у окна в коридоре и считал пролетавших ворон. Изображая неподдельную заинтересованность, она спросила, сколько же я насчитал ворон.

– Сорок семь, – сказал.

– Будешь у нас работать, – сказала Шароева.

Валентина Николаевна зачислила меня редактором и поручила составить ряд деловых писем, но, прочитав их, сказала, что я привношу в деловые бумаги никчемную эмоциональность. И крикнула Верочке, чтоб позвала Захарова.

Танцующей походкой в кабинет вошел безукоризненно элегантный руководитель сектора выпуска Сергей Александрович Захаров, которому Шароева и вручила меня. Он четко разъяснил мне, как дикторскую папку писать. А вскоре я разучил с Захаровым, в прошлом тапером, учителем танцев, и все остальные начальные па на телевизионном паркете.

В секторе выпуска познакомился с Сергеем Муратовым, своим ровесником.

– Диктор чередует всего лишь три слова, – говорил он. – "Вы смотрели", "Мы вам покажем", "Вы увидите". Надо найти четвертое слово.

Четвертое слово мы так и не нашли, зато Муратов – ныне телеакадемик, доктор наук, профессор МГУ – в дальнейшем придумает КВН.

С монгольским языком, который Сергей изучал в Институте международных отношений, он распростился в тот же день, когда композитор Бабаджанян сосватал его Шароевой, которая сама возглавила телевидение по рекомендации Свешникова. Так что прославленный хоровой дирижер, который был в ту пору ректором Московской консерватории, сыграл и немаловажную роль в истории нашего телевидения.

Шел февраль 1956 года, когда я оказался на Центральной студии телевидения. Только что повиделась вторая программа, выход в эфир которой сопровождался забавной оплошностью – режиссер показал, как диктор Нина Кондратова, готовясь к передаче, преспокойно пудрится. Поклонники Нины наши передачи смотрели с помощью ретранслятора уже и жители Калинина, а на подходе была Рязань – естественно, были в восторге. И Валентине Леонтьевой, у которой были свои поклонники, оставалось лишь позавидовать, что Нине так подфартило.

Дикторы были лицом телевидения. Другие лица – тех, кто делал передачи, – таились за кадром. Сама Шароева и не помышляла о появлении на экране, хотя, несомненно, мигом завладела бы телезрителями. Но живой человек на экране занимал ее и она остановила выбор на Азарии Алексееве, который готовил спортивные передачи (в пятьдесят седьмом году именно Алексеев будет руководить сверхоперативной работой фестивальной редакции). А в январе пятьдесят пятого года он провел репортаж из Дворца тяжелой атлетики на Цветном бульваре.

Азарий рассказывал мне, что в те дни его прихватил грипп и он ужасно боялся, что не сдержится и чихнет, а микрофон был без кнопки, не отключался… Он, разумеется, зазубрил все то, о чем говорить собирался, но и в живом разговоре не оплошал, ни разу не якнул.

Журналистов раскрепостил Алексей Аджубей, когда в 1957 году возглавил "Комсомольскую правду". До этого репортерам предлагалось не забывать, что "я" – последняя буква алфавита. И дикторы телевидения никогда не якали – самовыражались, произнося лишь свой дикторский текст. Муратов сговорился однажды с Леонтьевой и вписал ей в дикторскую папку, что она сама с нетерпением ждет завтрашней трансляции сольного концерта знаменитого певца. Валя непринужденно, отодвинув папку, произнесла эти слова, а вскоре так раскрепостилась, что, опаздывая на передачу, вбежала в студию, не успев снять перчатки, и снимала их прямо в кадре, прося телезрителей не судить ее – заждалась трамвая…

Собственную машину – подарок тети – имел только Муратов. Мы в этих случаях объявлялся перерыв по техническим причинам и зрителям предлагалось полюбоваться калейдоскопом или рыбками в аквариуме). Но все, как говорится, работали с пылом и жаром.

И решено было делать новые тележурналы – благо, что появились кинокамеры для съемки на обратимой узкой пленке. Первым тележурналом был "Юный пионер". Затем появилось "Искусство" Андрея Донатова.

Я стремлюсь первым делом рассказать, какие яркие личности стояли у истоков телевидения. Как раз Донатов, работая поначалу в секторе выпуска, и сменил однажды в дикторской папке "радиозрителя" на "телезрителя". Шароева согласилась – рискнем, была не была. И Нина Кондратова со свойственной ей непринужденностью впервые обратилась с экрана к "товарищам телезрителям".

Пузин был возмущен и вызвал к себе наутро Шароеву вместе с Донатовым. Валентина Николаевна сказала Андрею: "Попьешь валерьянки и будешь сидеть и молчать". Он вспоминал, что, когда после разноса они возвратились на Шаболовку, телефон Шароевой не умолкал – звонили благодарные телезрители.

Думаете, Пузин смирился? Уже при мне радиопрограмма, в которой публиковалась и программа передач ЦСТ, сохраняла рубрику "Советы радиозрителю". "Слово "радиозритель", – утверждалось, – образовано по аналогии с существующим ранее словом "радиослушатель", которым называли человека, слушающего радиовещательные передачи. Поэтому термин "радиозритель" является более правильным, чем иногда применяемый термин "телезритель". Первая часть слова "радиозритель" показывает, что речь идет о способе видения на расстоянии, основанном на применении радиосредств, между тем как телезрителем можно назвать любого зрителя, производящего наблюдение издалека ("теле" – означает "вдали") при помощи любых средств, например, оптических". Так вот!

А былые тележурналы предшествовали нынешним тематическим каналам. "Искусство, разумеется, – "Культуре". Официозные критики поклевывали журнал, но Шароева держалась стойко. Заботилась лишь, чтобы в каждом выпуске была яркая музыкальная страница. Едва возник "Современник" – к нам приехал Олег Ефремов. А как только на экранах появились фильмы итальянских неореалистов, в "Искусстве" были представлены создатели этих фильмов – Витторио Де Сика, Роберто Росселлини… Да и сами фильмы были показаны – телевидение получало тогда любой фильм не позже, чем через месяц после выхода в прокат. А когда в Москве показали "Бродягу" (для нас, тогдашних, еще одно кинооткровение, хотя и другого рода), то Донатов неведомо как нашел общий язык и с безоглядно погруженным в успех Радж Капуром, привез его в Студию и, мало того, убедил даже спеть: "Бродяга я…"

Вспоминая Андрея Донатова, видишь за пультом обаятельную Ию Миронову – режиссера "Искусства". Она пришла к Шароевой из ВГИКа, училась у Райзмана. Успех журнала определял и ее безукоризненный вкус.

И вот были созданы еще два тележурнала: "Знание" и "Физкультура и спорт". Азарию Алексееву понадобился литсотрудник, и я перешел из сектора выпуска в отдел спорта.

Близились Олимпийские игры в Мельбурне. И есть сведения, говорил Алексеев, что всеблагой Романов, председатель Спорткомитета, заверил Политбюро, что в Мельбурне мы завоюем больше золотых медалей, чем американцы. А всем тренерам указал – не раскрывать преждевременно карты.

Что же дадим о Мельбурне в журнале? Азарий убеждал, что придумает что-нибудь, есть свои люди в спорте. Мне же поручал заняться футболом, познакомиться с Озеровым, Синявским – чемпионат страны уже начался.

Я все лето ходил на футбол – то на "Динамо", то уже в Лужники. Обязан был удостовериться, что комментатор занял место в своей кабине. Озеров порой приходил впритык, но мгновенно, по-хозяйски, располагался, регулировал картинку на мониторе. Был, судя по всему, убежден, что ко времени, как раз для него, футбол телевидением обзавелся. А Синявский всегда приходил загодя. Глянет на телевизор и отвернется. Ему было уже пятьдесят, и он, казалось, смирился, что до конца дней придется подлаживаться под картинку, которую и без него все видят. Но нет, до конца не смирился. Во втором тайме, когда включали радиослушателей, он, как и прежде, принимался завораживать их своим футболом. Одним глазом (второго на фронте лишился) он, как никто, видел – воображал, если хотите – игру.

Сегодня и футбол иной, и комментаторы иные, а Синявский, как и Озеров, в равной мере – славное прошлое.

С футбольного матча на стадионе "Динамо" начались в Москве и внестудийные передачи. Было это второго мая 1949 года. Играли "Динамо" и ЦДКА.

За два года до этого главный инженер Телецентра Сергей Васильевич Новаковский привез из США низкочастотную часть передвижной телевизионной станции, в том числе две камеры, передающие трубки которых – "кошачий глаз" – требовали не так много света. Все, что формирует сигнал, словом, привез, но радиорелейную линию, чтобы передать этот сигнал на Шуховскую башню, американцы не дали. Новаковский лишь добыл ее схему.

А антенну в форме угла спроектировала молодой инженер Елена Бухман. Одну антенну – она весила больше тонны – верхолаз Иван Назаренко установил на прожекторной башне Северной трибуны "Динамо", под которой был помещен внутительный передатчик, другую – на предпоследнем ярусе Шуховской башни. Ни высоких зданий, ни кранов на пути сигнала не было.

Тем временем в Москве открылась чехословацкая выставка, где Александр Аронов (в будущем главный телеоператор Студии) присмотрел "Шкоду", в которой и оборудовали передвижку.

Трудно представить, в каких условиях команда этой передвижки впервые показала футбол.

Хотя тот допотопный передатчик постоянно охлаждался циркулирующей водой, но режиссер Егорычев сидел возле него в трусах с мокрой тряпкой на голове, а ноги то и дело в ведро с водой опускал.

На трибуне были установлены два щита, на которые поместили телекамеры. Аронов держал общий план, а основную нагрузку взял на себя Дядя Костя – Константин Николаевич Яворский – наш первый телеоператор. Он встал у камеры еще в 1931 году, в доэлектронную эру, когда на Никольской улице, в Московском радиотехническом узле, начались передачи механического телевидения.

А тогда, на "Динамо", возле Дяди Кости стояла Клава Ежова. Монтер связи, она все знала, все умела и обладала к тому же диковинной силой. Перечить ей было рискованно – могла схватить тебя в охапку и, высоко подбросив, крикнуть: "Да он же пустой!". А Дядя Костя, когда хотел дать крупный план, просил Клаву достать и поставить телеобъектив – на турельной головке той американской камеры умещалось лишь четыре объектива. И хотя Дядя Костя продолжал заниматься греблей, но, когда камера вдруг сорвалась, поехала, не смог ее удержать, и если бы не Клава…

А в звуковой кабине, разделенной надвое, сидели Вадим Синявский и звукорежиссер Николай Захаров. Синявский махал рукой Захарову, и тот включал ему микрофон – такая была техника. Репетируя свой первый телекомментарий, Синявский старательно в монитор всматривался, но на передаче повернулся к нему спиной. Однажды, когда Бухман сказала ему, что видела, как, получив сигнал снять телефонную трубку, он не снял ее, Синявский сказал ей: "Ты много видишь." "Но мы так любили Синявского, – не столь давно говорила она мне, – что все прощали ему. Гениальный был человек".

Вслед за "Динамо" был освоен филиал Малого театра, который гораздо ближе отстоял от Шуховской башни. Постепенно освоили и другие театры, которые не вправе были уберечь от телевидения даже недавнюю премьеру.

Из театра Советской армии както показывали торжественное заседание, в президиуме которого сидел еще всевластный Каганович. А вслед за тем целый месяц участники передачи уверяли следственную комиссию, что жену Кагановича, которая обвиняла их, что ее Лазаря рябым сделали, зрение подвело.

Тогдашние телевизоры – "Темп-2", "Ленинград", не говоря уже о КВН-49 с линзой, заполненной дистиллированной водой, – лишь отдаленно напоминали сегодняшние, но Новаковский и его коллеги посылали в эфир картинку отменного качества.

Предстоял конкурс дикторов – дикторов-мужчин по-прежнему вызывали с радио – и Валентина Николаевна поручила мне заняться его участниками. И вот мы расположились с ней в аппаратной, я представляю ей очередного претендента и тот стремится убедить, что он и телегеничен, и любой текст произнесет выразительно. Шароева постепенно скисала и готова была уже меня обвинить, что выбрать некого. Но вышел парень в спортивной куртке, как помнится, и без галстука. Он был естественен, непринужден – держался в студии по-свойски, словно к друзьям заглянул.

Шароева сказала мне, чтобы я выяснил, есть ли у него галстук, а если нет, то она у своих ребят для него возьмет. Антон, ее старший сын, был-на виду как скрипач. Он давно и дирижирует, руководит сейчас Государственным филармоническим оркестром Тюмени. А младший, Иоаким, режиссер музыкального театра, только начинал свою пылкую театрально-эстрадную деятельность.

Андрей Хлебников, наш новый диктор, сообщил мне, что галстук у него найдется. И рядом с муратовским "Москвичом" теперь стоял обычно его мотоцикл. Андрей полюбился уже телезрителям, но третьего февраля пятьдесят седьмого года, в воскресный день, объявляя передачу для школьников, посвященную 40-летию Октября, "Три поколения ленинцев", он оговорился – сказал: "Три поколения ленивцев". Если бы Студией по-прежнему руководила Шароева, она как заботливая мама, наказав Андрея, – отправив, допустим, на время в помрежи, – сберегла бы его. Но при новом руководстве Хлебников был молниеносно уволен. Как его дальнейшая судьба сложилась? Насколько мне известно, поработав в театре, он, в конце концов, нашел себя на радио.

Журнал "Знание" делал Арнольд Григорян, а рядом с ним был Рудольф Борецкий. Григорян еще в пятьдесят четвертом году, не доучившись во ВГИКе, пришел, как и я, к Шароевой с улицы. Сказал ей, что нашлись лишние 20 копеек и в окошке Мосгорсправки узнал адрес телестудии. Держался независимо – дескать, не возьмете меня, огорчусь, что попусту 20 копеек истратил. И назавтра вышел уже на работу. Настоян, чтобы закончил ВГИК, Шароева продвигала его.

Борецкий – дипломированный психолог, поработавший на радио – имел авторитетную рекомендацию с радио, в которой предлагался на должность старшего редактора. У Шароевой это вызвало раздражение и, взяв Борецкого, дать ему ставку старшего редактора, она, разумеется, не поспешила.

Валентин Катаев, создав в пятьдесят пятом году журнал "Юность", тут же обеспечил ему немалый успех, опубликовав "Путешествие на Кон-Тики" Тура Хейердала. Имя великого норвежца было у всех на слуху. Поговаривали, что журнал "Вокруг света" заполучил новую книгу Хейердала "Аку-Аку". Но тележурнал "Знание" перехватил снимки, которые пришли в Москву из Осло. Так телевидение набирало очки. Арнольд Григорян (его уже нет среди нас, как и многих, о ком вспоминаю) бескорыстно посвятил свои лучшие годы торжеству на телевидении знания, отнюдь не только в одноименном журнале. Мы вспоминали недавно с Рудольфом Борецким – он доктор наук, телекритик, преподает в МГУ – как азартно жили. Да, были молоды. Но и телевидение, слава Богу, в ту пору еще повзрослеть не успело.

В журнале "Физкультура и спорт" были и шахматы, и альпинизм… Но приближались Олимпийские игры. И тут я познакомился с Георгием Морозовым, который долго работал в советском торгпредстве в Австралии и не расставался с узкопленочной камерой. Он принес нам свои пленки. И решили сделать несколько передач, озаглавив их: "Там, где будут Олимпийские игры".

Морозов снимал и как живут, и как одеваются австралийцы, и что они едят. Кенгуру снимал, дельфинов, как подплывают они к самому берегу и зовут тебя поиграть с ними, поплавать. О плавании было много кадров – это коронный вид спорта в Австралии. А показав нам волейбольный турнир, он признался, что был не вправе его снимать – русские эмигранты играли, которых Мао выставил из Харбина.

И был отменный сюжет – о конкурсе на самую большую тыкву. Но победитель, который вырастил двухсоткилограммовую тыкву, был тоже русский. Что ж, в передаче можно было не говорить об этом. Пять лет назад я был в Австралии и в русских клубах Брисбена и Сиднея чувствовал себя как дома. А знали бы, какой безукоризненный русский язык хранят потомки наших былых соотечественников, которых в свое время советский человек обязан был сторониться. Морозову удалось снять и привлекательную аборигенку. Она приходит на пляж со своим белым мужем и отчаянными детишками, которые не боятся даже огромных медуз. До сих пор эти кадры помню, а, побывав в Австралии, разузнал, что как раз русский переселенец впервые добился официальной регистрации брака белого с аборигенкой.

Мы сделали три передачи. Они начинались под крик кукабары. Эта голосистая диковинная птица станет символом Сиднейской Олимпиады двухтысячного года. А Мельбурнская Олимпиада дала нам повод выдать кинопутешествие по Австралии. Клуб кинопутешественников, учтите, тогда еще не возник.

Наш режиссер Юрий Шабарин увлеченно занимался этой передачей, великолепно смонтировал ее. Он был невозмутим и находчив, какой бы подвох ни преподносила тогдашняя техника, неизменно вел все самые сложные передачи общественно-политического вещания. Не будет равных Шабарину и когда телевидение, наконец, сделает ставку на внестудийный репортаж. Он вел и "Концерт на льду" – первую передачу о фигурном катании, которую Азарий Алексеев ухитрился устроить на обычном катке, в парке Горького.

Шабарин пришел на телевидение уже при Шароевой, но у нас работали и режиссеры с дореволюционным стажем. Александр Николаевич Степанов, добрейшей души человек, начинал, как и Дядя Костя, еще на Никольской, на механическом телевидении, где был и диктором. Борис Петрович Тамарин и Николай Осипович Бровко в предвоенные годы пришли уже на Шаболовку. Оба прежде снимались в кино. В фильме Владимира Гардина "Поэт и царь" Тамарин играл Дантеса, а Бровко показывался на Пушкина, но взяли другого артиста. "Моя была роль", – говорил он, когда предавался воспоминаниям.

Занимаясь Австралией, Шабарин было решил, что стоит посадить Морозова в студию. Рассказывал же у нас Рябчиков о своем путешествии по Ангаре, где намечалось строительство ГЭС. А человек, повидавший Австралию!

Была репетиция. Наш безотказный помреж Светлана Тразанова (танцевала прежде в театре "Ромэн" вроде бы, а в помрежах недолго задержится – пойдет на курсы ассистентов режиссера) повесила в студии карту Австралии. Морозов встал возле карты и Володя Киракосов – и по сей день, на мой взгляд, да и не только мой, непревзойденный телеоператор – наехал на него, дал крупный план. Я стоял в аппаратной за спиной Шабарина, он сказал мне: "Смотри, как отлично смотрится наш австралиец". И звукорежиссер был доволен Морозовым.

Убеждать Шароеву не пришлось. Она поставила лишь одно условие – Морозов должен сказать, что вел свои съемки по нашему заданию. Вот мы, дескать, какие – утрем нос всем западным телекомпаниям.

Но Морозов взмолился:

– Ребята, да вы меня окончательно погубите. Я работал в торгпредстве и, поймите, был не вправе куда угодно ходить и снимать все, что заблагорассудится. Я уже рискую, а если скажу, что – втайне, загодя! – с телевидением повязался…

Что ж, Светлана сняла со стенда карту Австралии.

Осенью мы принялись готовиться к молодежному Фестивалю, который ожидался в Москве предстоящим летом.

Главного фестивального Голубя – "Голубя Мира" – сотворил Пикассо. И пошло, поехало… Уличных голубей, которые сегодня тебе под ноги лезут, тогда в Москве было мало. А Фестиваль было принято встречать голубями. И Ким Шароев вместе с кинорежиссером Юрием Чюлюкиным – кто не помнит его "Девчат" – сделал телефильм о настоящих, быстрокрылых голубях, которых так любили гонять бывалые московские голубятники.

Сергей Муратов уже придумал журнал "Фестивальный" и готовился делать его.

Ждали лишь, когда Валентина Николаевна возвратится из Чехословакии, куда направлялась во главе делегации радио и телевидения…

Но Шароева к нам не возвратилась. Приехав в Москву, узнала, что уволена, а через несколько дней была исключена из партии, вступила в которую в годы войны.

Стало известно, что перед самым ее отъездом, на совещании у Фурцевой, у них произошла яростная схватка. По мясу и молоку мы примемся вскоре догонять и перегонять Америку. А Фурцева обрушилась на Центральную студию телевидения, сравнив ее работу с работой французского телевидения. Почему французского, а не английского, например? Кто знает… Шароева не сдержалась – уличила Фурцеву, что она голословна, что при той допотопной технике, которую имеет Студия…А в Праге она ошеломила своих коллег, быстро заговорив по-чешски, но вроде бы излишне разоткровенничалась на встрече с нашим послом…

Центральное телевидение вскоре поглотит шароевскую Студию, а Валентина Николаевна (спустя год ее восстановят в партии) вновь целиком возвратится к преподаванию сольфеджио и гармонии в училище имени Октябрьской революции – ныне это училище носит имя Альфреда Шнитке. Незаурядный дар Александра Лазарева, который будет дирижировать в Большом театре, Шароева распознала на приемном экзамене, полагаясь на свою безошибочную интуицию. И телевидение она хотела видеть искусством, которому еще предстоит обрести свой ритм и лад. Брала на Студию тех, кому, как ей представлялось, было дано осознать это. Так, почему бы не увидеть бесценным уроком сольфеджио ее шестилетнюю работу на Шаболовке. Благо, что ее лучшие ученики, было время, дирижировали на телевидении.

Ее ждало новое испытание – младший сын поставит в Кремлевском театре концерт с участием джаз-оркестров Леонида Утесова, Олега Лундстрема, Эдди Рознера, а Хрущев, присутствовавший на концерте, скажет, что от джаза у него "возникают колики в желудке". Иоакима выставят из Театра эстрады, которым он руководил, да и вообще лишат работы. В автобиографической книге "Многоликая эстрада" Иоаким Шароев вспомнит: "Жить было не на что. И тогда мы с мамой стали продавать семейный старинный хрусталь, редкие книги. Боже, каких книг по истории костюма я тогда лишился! Цены им не было…"

Елена, дочь Антона Шароева, – солистка Геликон-оперы. Она поведала мне, что в девяносто первом году Валентина Николаевна не сочла возможным оставаться в партии. Ее отец, Николай Степанович Рыжков, был потомственным дворянином, управлял промыслами Нобиля в Баку. И на закате жизни Валентина Николаевна стала Действительным членом Российского Дворянского Собрания.

В беседе с корреспондентом радиостанции "Маяк" Шароева рассказала, что ей было 13 лет, когда в двадцатом году в Баку пришли "товарищи". Она пошла работать в сапожную мастерскую и в конце дня несла маме и сестре миску пшенной каши и три кусочка черного, как земля, хлеба. Училась в вечерней школе. Жила лишь музыкой и закончила Бакинскую консерваторию. После войны, уже в Москве, и преподавала, и работала в "Комитете по делам искусств". Говорили: "поделом искусству".

"Никому и в голову не приходило, – рассказывала, – что я дворянка, что отец мой был в Белой армии, а потом сидел. Но поскольку он был в маленьком чине, через четыре года его отпустили. Так что остался жив. А дядя мой эмигрировал и поэтому тоже остался жив. Он был в большом чине".

Вспоминать, что удалось ей сделать на телевидении, Валентина Николаевна была не особенно склонна. Выслушив корреспондента, которая расхваливала ее руководство телестудией, сказала: "Да, дневала и ночевала на Студии".

Я вновь слышал голос Валентины Николаевны. Она сознавала, что ей уже очень много лет, что вряд ли доживет… И все же, все же – таков характер! – говорила:

– Очень хочу дожить до того момента, когда действительно начнет возрождаться моя несчастная, моя многострадальная Россия.

● *Валентина Шароева и Николай Сличенко на съемке концерта артистов театра "Ромэн"*